

«Чужие освободители» или «свои оккупанты»: как население Западной Украины воспринимало «советских» в 1939–1941 гг.

Ирина Николаевна Гридина

Донецкий национальный университет, Украина
ул. Университетская, 24, корп. 2, Донецк, 83001
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена изучению формирования представлений населения Западной Украины о советских гражданах во время событий 1939–1941 годов, которые сформировали определенные стереотипы, действующие до сих пор и влияющие в том числе на гуманитарные отношения Украины и России.

Ключевые слова: Украина, Россия, Западная Украина, инкорпорация Западной Украины, представления, стереотипы.

УДК
94(477.8):3
41.223.1«19
39/1941»

Во взаимоотношениях современных Украины и России большую роль играет национальная, социокультурная, лингвистическая, историческая составляющие, активная политизация которых, играя на руку недобросовестным политикам, заметно эти отношения усложняет. Тревожным фактом в этом отношении является то, что за последние годы ухудшились отношения между гражданами обеих стран. Социологи фиксируют рост отчуждения, предубежденности, неприязни. Такая тенденция сигнализирует об угрозе распада традиционных социокультурных связей двух стран [1].

Для Украины гуманитарный аспект взаимоотношений с Россией осложнен внутренними проблемами, связанными с региональными различиями в этническом, историческом, социальном и религиозном контекстах прошлого и, к сожалению, пока еще настоящего украинских граждан. Отечественные политологи отмечают, что восточные и западные украинцы по этническим, языковым, культурным, религиозным, политическим и эмоциональным признакам разнятся так же, как берега реки, их разделяющей: правый – крутой и обрывистый («национально сознательный», украиноязычный Запад страны), а левый – пологий и пойменный (русифицированный, промышленный) [2]. Разные внешнеполитические симпатии украинцев обусловлены историей отдельных украинских земель. Западные территории пребывали в составах Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Румынии, Чехословакии дольше, чем находились под российским интеграционным патронатом (в составе Империи, СССР или СНГ), восточные – никогда не знали иного сюзерена, кроме России, которая строила города, ныне ставшие индустриальными и культурными центрами, и развивала промышленный потенциал этих земель. Поэтому львовяне, мечтающие жить в Европейском Союзе (таковых 43 %), более всего испытывают симпатии к Германии (32 %), Польше (28 %), Швейцарии (28 %), Канаде (24 %) и Беларуси (21 %). Россия, к которой трепетно относятся 85 % дончан, лишь завершает первую десятку стран, к которым галичане испытывают особую приязнь [3].

Сознательное преувеличение этих различий как в Украине, так и в России загоняет проблему в замкнутый круг, приумножая старые и создавая новые негативные стереотипы. Немаловажную роль в этих процессах играют концептуально разные подходы к трактовке ряда исторических событий, особенно истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. «У нас разные враги и разные союзники. Более того, наши союзники и даже братья – их враги, а их «герои» (Бандера, Шухевич) для нас – убийцы, предатели и пособники гитлеровских палачей», – писал историк Д.В. Табачник, аргументируя свой тезис тем, что галичане практически не имеют ничего общего с народом Великой Украины ни в ментальном, ни в конфессиональном, ни в лингвистическом, ни в политическом плане [4]. В свое время это заявление вызвало широкий общественный резонанс, а Д.В. Табачника навсегда записали в «украинофобы».

Комментируя известные события во Львове 9 мая 2011 года, лидер ЛДПР Владимир Жириновский заявил: «Что вы от них (от жителей Западной Украины) хотите? Их поляки трамбовали, мы их трамбовали, а сегодня мы хотим, чтобы они всех приветствовали. Это измученное население. Их мучили австрийцы, поляки, а русские этого не делали, но

поскольку наша армия проходила через эти населенные пункты, они начинают это вспоминать как какие-то меры» [5]. При этом российский политик сделал абсолютно недвусмысленный великодержавный вывод: после пакта Молотова–Риббентропа Западную Украину нужно было не присоединять к Советской Украине, а делать ее «территорией единого государства», а то «создали матрешку – союз национальных государств, и это еще будет долго откликаться нам... Мы увеличили территорию Украины, которая от нас ушла» [6].

Естественно, что подобные заявления не добавляют позитива в отношения двух государств и, что более обидно, их граждан. Однако это не означает, что если на проблему не обращать внимания, то она сама по себе исчезнет. Общеизвестно, что не негативные стереотипы рождают конфликты, а ситуация конфликта, напряженности, взвинченности представляет собой почву для возникновения, становления и развития негативного восприятия. Поэтому одним из решений проблем преодоления негативных стереотипов является изучение аффективных характеристик этих социально-психологических явлений.

В этом контексте предлагаем проанализировать исторический контекст формирования представлений населения Западной Украины о советских гражданах во время событий 1939–1941 годов – их первой вынужденной встрече, которая наложила свой отпечаток на долгие годы, вплоть до сегодняшних дней.

При этом необходимо отметить, что основным источником для исследования стали воспоминания львовян, собранные известным украинским общественным деятелем М. Рудницкой в сентябре 1941 года. Как пишет она сама, «память о большевистском господстве была тогда среди местного населения еще очень свежей, незатертой новыми впечатлениями» [7]. Собеседниками М. Рудницкой были в первую очередь граждане, играющие в украинском социуме польского периода выдающуюся роль, и поэтому они первыми попадали под пристальное внимание новой советской власти. Это, в свою очередь, повлияло на их предвзятое отношение к происходящим событиям, что нужно учитывать при использовании такого рода источников.

С другой стороны, необходимо отметить, что население Западной Украины было далеко не однородным в социальном, национальном, культурном, религиозном и других отношениях. Поэтому и отношение к событиям, которые сопровождали их включение в состав УССР, а также к людям, которые непосредственно были к этому причастны, было разное. Однако вынужденные постоянно отстаивать свою национальную независимость, западные украинцы, по сравнению с гражданами советской Украины, представляли собой, особенно в Галичине, как это сейчас называют, особую «культурную идентичность», при этом готовые во что бы то ни стало защищать ее от всевозможных врагов как реальных, так и мнимых. Поэтому именно отношение к советской власти и ее представителям «национально сознательных» галичан стало восприятием, воплощающим в себя стереотипное отражение ценностей, единообразное отношение к объекту, его усредненное видение.

Общеизвестно, что процесс инкорпорации Западной Украины сопровождался всевозможными реверансами в сторону украинцев, во-первых, для демонстрации освободительных целей похода Красной армии, а во-вторых, чтобы хоть как-то сгладить издержки форсированной советизации края. Однако, несмотря на декларации о выдвижении на различные посты выходцев из местного населения, основную массу бюрократического советско-партийного аппарата составила прибывшая по направлению руководства восточных, центральных и южных областей республики номенклатура. В Западную Украину командировали тысячи специалистов различных отраслей – учителей, врачей, агрономов, зоотехников, нефтяников, геологов, механизаторов, техников, инженеров и т.д. Только за первое полугодие после присоединения в регион прибыло 14 тыс. коммунистов. К осени 1940 г. отдел кадров ЦК КП(б)У рапортовал о подготовке еще 40 тыс. партработников для отправки в юго-западные и западные области УССР [8]. Так что население региона имело достаточно возможностей составить свое собственное представление о выходцах из «большой Украины». Первое же впечатление, и довольно показательное, оно составило о Красной армии.

Однако еще перед непосредственными встречами, имея определенные сведения о жизни в СССР, западные украинцы формировали свое отношение к будущим согражданам и ее власти. Перед самым приходом большевиков 21 сентября 1939 г. сенатор В. Децикевич во Львове организовал совещание 50 известных украинских граждан для того, чтобы

рассмотреть возможности «дальнейшего существования украинской организованной жизни после прихода большевиков» [9]. Среди присутствующих не было никаких сомнений относительно того, что в новых условиях вся украинская общественная жизнь коренным образом изменится и далеко не лучшим образом. Тем не менее были высказаны «слабые надежды», что, учитывая те особенные, отличные от советских условия, в которых все это время жила Западная Украина, новая власть постарается найти хоть какое-то объяснение для существующих здесь украинских национальных ценностей.

Как вспоминает Гавриил Костельник, известный украинский теолог и писатель, в ожидании большевиков интеллигентская элита Львова разделились на три категории. Самая многочисленная группа заявляла: «Со своей земли не двинемся, хоть там что». Свою позицию они аргументировали тем, что остаться с народом – это национальный долг, а «большевики уже не те, которые были когда-то: ведь за 20 лет должны были набраться культуры, идут в Европу, поэтому должны приспособливаться к новым требованиям, как люди, которые приходят в чужой дом». И главным их аргументом было то, что «все-таки это Украина, хоть и красная, но Украина!», – поэтому нужно остаться на месте, работать, занимать должности, влиять на события... Представители второй группы, которые когда-то имели дело с большевиками на «Большой Украине», предлагали бежать: «Под большевиками не останусь ни за что на свете, так как большевики не изменились и никогда не изменятся». Естественно, были и те, которые предлагали выждать, присмотреться к новым порядкам, а потом уже принимать то или иное решение [10]. Из этого следует, что ожидание местной элиты будущей новой власти в целом определялись настороженными настроениями. Наиболее оптимистичные из них, которые не видели другой альтернативы после 20-летнего польского господства, склонны были видеть в большевиках «освободителей» и «спасителей». Однако уже первые встречи вызвали даже у них чувство глубокого разочарования.

Первое, что поразило жителей Львова, это «пролетарский вид» бойцов Красной армии, простая одежда даже у командиров. «Вид новобранцев, которые приходили из советских республик, был ужасный, – вспоминал Г.Костельник. – Неинтеллигентные, некультурные лица и простецкие движения...» [11]. «Красноармейцы были страшно плохо одеты, бедные, грязные и несмелые. На грузовиках вместо еды и снаряжения была агитационная большевистская литература» [12]. «Вид советских солдат производил гнетущее впечатление – худые, уставшие, в грязной порванной одежде...» [13]. Можно только догадываться, какие чувства испытывало население Западной Украины при таком виде своих освободителей. Дальше – больше: «За армией хлынула во Львов масса управленцев и их семей. На автомобилях или по железной дороге, приезжали полуголые люди, без приличной обуви, без белья..., примитивные, не умеющие себя вести... Наши крестьяне и рабочие иронично насмеялись или сочувственно качали головами, видя такую нужду...» [14]. Отсюда сразу следовал вывод: это колхозы и совхозы воспитали таких «новых» людей.

Для представителей закрытого советского общества, которое видело только унифицированный ширпотреб советского производства, европейский быт Западной Украины представлялся удивительным, прекрасным и, конечно же, желанным. В советских республиках оказалось много желающих получить командировки в новые регионы не для исполнения партийного или гражданского долга, а для того чтоб поправить свое материальное положение. «...За каких-то неделю-две... за несколько сотен советских рублей можно было буквально обогатиться..., – свидетельствовал Ф. Пигидо-Правобережный. – ...Возвращались из командировки с добротными кожаными кофрами, с удивительным «буржуазным» гардеробом для жены, для себя, для детей, с настоящим «заграничным» манто, браслетами, часами, с невиданными еще в СССР современными радиоприемниками..., даже с пианино, мало того – с небольшими польскими личными автомобилями» [15]. Львовяне вспоминали, что через неделю после присоединения в городе «началась настоящая погоня за мануфактурой, за обувью, за конфетами. С приезжих начали исчезать «дреліхи», «цайги» [верхняя одежда из грубой, низкокачественной материи – И.Г.], тенниски (полотняные туфли на резиновой подошве), анахореты поодевались в европейские наряды. Женщины как мухи на мед стали липнуть к модной одежде, костюмам, красивым туфлям. Вскоре пошли по всему Советскому Союзу слухи, что Львов – рай мануфактуры. И хлынули бедные люди из Одессы, Киева, Харькова, Москвы во Львов «на командировку» [16].

Конечно, такое поведение никак не играло на создание позитивного имиджа «советского» руководителя, но разве можно обвинить человека в естественной потребности жить лучше? Вспомним, как советские женщины, вырвавшись с огромным трудом в туристические поездки в капстрану, теряли голову, а то и сознание, в «буржуазных» супермаркетах от невиданного изобилия товаров. Чем отличалось это поведение от того, которое описывается в воспоминаниях западноукраинской интеллигенции: «Обедневший советский народ стремился к европейскому комфорту. Видел, что в этой «капиталистической» Европе, которую им приказывали ненавидеть, всего вдосталь, что беднейшая наша служанка выглядит перед женой их полковника как настоящая графиня...» [17].

Что говорить о рядовых советских руководителях, если даже семьи представителей высшей партийной элиты были поражены уровнем жизни львовской аристократии. «Привезла я своих родичей во Львов, во дворец воеводы, где квартировал Н.С. [Никита Сергеевич]. Стали они ходить по комнатам, удивлялись всему, – вспоминала Нина Петровна Хрущева. – Например, покрутил мой отец водопроводный кран и кричит матери: «Подойди, посмотри, вода льется из трубы». Все прибежали, смотрели, ахали, только брат Иван Петрович сказал, что он видел водопровод, когда отбывал военную службу» [18].

Кроме бедности, жителей Западной Украины неприятно удивляла «невоспитанность» приезжих. Первая – была для них показателем экономических отношений в Советском Союзе, вторая – демонстрировала советский социально-бытовой уклад. И если бедность вызывала сочувствие, то невоспитанность «поражала и отталкивала» [19]. Нахождение в помещении в головном уборе, использование бранных слов, неуважительное отношение друг к другу и женщинам неприятно удивляло местных. «Общепринятым словом, имеющим различное значение, было «давай!». Им пользовались в любом случае, чаще всего его употребляли милиционеры, дворники, вообще каждый, кто имел право крикнуть на прохожего или на клиента. «Давай назад», «давай вперед», «давай проходи», везде «давай». Даже в кино и театре», – возмущались львовяне. Они даже придумали в ответ ироничную отповедь: «давай назад» (намек на то, что большевики будут бежать из Львова) [20].

Именно поведение было одной из главных причин, по которой западные украинцы принимали приезжих как людей другой духовной формации, другой ментальности [21]. «Каждого, кто прибыл из большевистского царства, – вспоминал писатель Г. Костельник, – наши люди отличали уже внешне. Это были другие люди, с другой внешностью, другим поведением и другой душой. Люди, которых воспитала 20-летняя, самая страшная и самая сумасшедшая революция. Поэтому наши люди и чувствовали необходимость называть их общим именем: «советы», без оглядки на то, были ли это украинцы, москали, жида или другие...» [22].

Необходимо отметить, что местная элита пыталась объяснить «неотесанность» советского человека результатом социально-бытовых условий его жизни: уничтожением большевистской революцией элитарных слоев населения, заменой их новым руководящим классом – пролетариатом [23]. Ш. Фицпатрик метко отметила, что в 30-е годы советский человек должен был осваивать повседневную культуру (хорошие манеры, правильная речь, опрятная, отвечающая случаю одежда) как целинные земли или иностранные технологии [24]. Действительно, после революции долгое время правила этикета считались в лучшем случае буржуазным пережитком, в худшем – признаком контрреволюционных настроений. Молодому поколению новых граждан негде было набраться хороших манер: ни в школе, ни в семье, ни в молодежных организациях. А те, кто ими владел, старались маскировать свои привычки и приспособливаться к общепринятому стилю жизни.

Кадры, прибывшие в Западную Украину, были в большинстве своем молодыми людьми: «все командиры были молодые (уже воспитанники революции) – от 20 до 30 лет, а их жены еще младше» [25]. Кроме того, несмотря на уверенность западноукраинского социума, что «каждое государство посылает администраторов на оккупированные территории, к тому же в военное время, людей беззаветно преданных, к которым имеет полное доверие» [26], разрядка в районах и областях выполнялась таким образом, чтобы лучшие кадры оставались на местах. Следовательно, в западный регион часто попадала далеко не лучшая часть управленцев и специалистов, моральные качества многих из них не соответствовали характеру поставленных перед ними задач [27]. Выдержка из письма комсомолки Г. Чумаковой на имя И. Сталина о «бесчинствах, которые творят в Мизоцком районе Ровенской области руководители» лучшее тому подтверждение: «... Часто ходят

слухи о том, что мы, мол, думали, что советские люди самые честные, но оказывается, наоборот, ... наши люди, члены партии, подорвали свой авторитет среди местного населения. Когда они приехали сюда, стали себя держать очень заносчиво и распушенно среди женщин... наши члены партии, комсомола занялись очень нехорошим делом – это развратом ..., когда, наоборот, ... мы специально для того присланы, чтобы проводить разъяснительную работу и бороться с распушенностью здешних женщин» [28].

Еще раз обратим внимание на среднестатистическое качество кадров, которые присылались. Массовые репрессии 30-х годов привели к катастрофическому падению интеллектуального уровня советского общества. В первую очередь, это касалось кадров партийной, инженерно-технической, военной, творческой интеллигенции. «Выдвиженцы», как правило, не имели ни соответствующего образования, ни опыта, ни квалификации своих предшественников. Так, например, в 1939 г. 41% секретарей областных, краевых и центральных комитетов союзных республик, 71,4% – городских и районных и 78,9% секретарей первичных парторганизаций не имели даже среднего образования [29]. Понятно, что в таких условиях приезжие «кадры» невыгодно отличались на фоне даже рядовых галицких интеллигентов-украинцев, которые, как правило, в условиях языковой пестроты региона владели, кроме родного, польским, немецким или еще каким-нибудь языком и имели специальное образование, полученное в одном из университетов Западной Европы.

Воспоминания очевидцев пестрят описанием анекдотических ситуаций, в которые попадали советские специалисты. «Цицерона читали?» – спросил один из львовских старшеклассников нового директора школы. – Я контрреволюционных книжек не читаю. Цицерон это какой-то фашист или белогвардеец. Мне до него нет дела» [30]. «Хороший комсомолец, но малокультурный. На это не посмотрели и поручили проверить библиотеку. Рассматривают книжки и читают заголовки: «Собор Парижской богородицы». – Изъять: Поповщина! – «Украинские фосфориты». – Изъять: петлюровщина!», – описывал одну из ситуаций в своих дневниках П. Панч [31]. Именно на этот контраст между населением вновь присоединенных регионов и советскими людьми своеобразно указывал в свое время А.П. Довженко: «... Не будем презирать галичан за то, что они добрее и культурнее нас. Галичане не будут бояться нас за то, что мы великие и жестокие «несамостоятельные» люди, не европейские и не азиатские, «отдельные»... [32].

Таким образом, отношение украинского населения в Западной Украине к «советским» было определено уже при первых встречах. «Если бы большевики пришли к нам зажиточные и культурные, тогда наши взаимоотношения могли состояться по-другому. Но так как большевики, после 20-летнего своего господства и 20-летнего хозяйствования, пришли как последние сказочные попрошайки, при этом из-за их материальной мизерности проступала ужасная мизерность духовная, то это могло только оттолкнуть наш здоровый и трезвый крестьянский народ» [33]. Действительно, это была встреча двух культур, двух миров, в которых действовали другие моральные, политические и экономические законы, поэтому власть общесоюзного центра не воспринималась населением присоединенных в 1939–1940 гг. земель как собственная.

Однако необходимо отметить, что не было в западноукраинском обществе безоглядно негативного восприятия советских граждан. Большое впечатление на местную интеллигенцию произвели члены интеллектуальной и художественной элиты советской Украины: профессора университетов, писатели, художники, деятели театра и кино. «Почти все работники культуры имели безупречные формы поведения» [34]. Кроме того, местное население успокаивало себя тем, что по поведению «большевистских приспешников» они не могут судить о положении украинского народа за Збручем: «из того, что приезжие были некультурные, не выходит, что наш народ в Украине стал некультурный, как из того, что советская власть безбожная, никому не придет в голову делать выводы, что наш народ стал безбожный» [35].

Конечно, рамки одной статьи не дают возможность комплексно проанализировать проблему восприятия представителей советской и Западной Украины, тем более, что на них влиял сам процесс советизации края, сопровождавшийся с двух сторон и крайне враждебными действиями.

Однако при всех перегибах советской власти советское присутствие в Западной Украине в 1939–1941 гг. не оставляло однозначного чувства оккупации и унижения, по сравнению с нацистским режимом, в чем большую роль сыграли и личные контакты:

чувство морального и культурного превосходства местных жителей не соответствовало формированию образа советского оккупанта.

И в заключении хотелось бы отметить следующее. В составе Польши западноукраинские земли принадлежали к наиболее запущенным и эксплуатируемым польским режимом. Кроме того, польская власть сознательно тормозила прилив излишка крестьян в города и останавливала развитие украинского пролетариата. Советская власть в исторически короткие сроки добилась значительных изменений в преодолении отсталости Западной Украины в развитии промышленности, культуры, образования, охраны здоровья [36] (это история уже для другой статьи). Львов же был культурным центром региона, и львовская интеллигенция занимала привилегированное положение даже по меркам Польши. Особенностью ее было (да что говорить, остается и сегодня) то, что она пренебрежительно, с чувством превосходства относилась не только к «чужим освободителям», но и к своим «кормильцам» – крестьянам окрестных сел, не говоря уже о православных волынцах. «...С приходом русских в тридцать девятом и позже, после войны, произошла... как это в компьютерных терминах? перезагрузка населения: евреи были уничтожены, поляков выслали Советы в «рамках обмена населением»... А армяне где-то растворились, разъехались, – пишет известная израильская писательница Дина Рубина. – К тому же Сталин решил превратить торговый, культурный, мистический Львов в индустриальный город... Ну, и туда хлынуло окрестное село, те самые крестьяне, которым «за Польски» вообще запрещалось появляться на центральных улицах, запрещалось ходить по ним босиком, так что сапоги они несли в руках до въезда в город, а там надевали. И не зря: моя тетка рассказывала, что сцены, когда деревенские бабы присаживались на виду у сконфуженной городской публики, были совсем не редки...» [37]. Но при этом именно львовская интеллигенция формировала и формирует стереотипы «советских» и «донецких».

Примечания:

1. Украина-Россия: от кризиса – к эффективному партнерству (Аналитический доклад Центра Разумкова // Національна безпека і оборона. 2009 №4 (108). С. 2.
2. Два берега одной реки // Статья аналитической группы кампании «Research & Branding Group» // <http://www.rb.com.ua/rus/analitics/politics/6336/>
3. Там же.
4. Табачник Д. От Риббентропа до Майдана // Известия. 2009. 23 сентября // <http://www.izvestia.ru/news/353329>.
5. Жириновский о Западной Украине: "Для них мы – оккупанты". Лидер ЛДПР считает ошибкой присоединение Западной Украины к Советской Украине в 1939 году // Сегодня. 2011. 11 мая // <http://www.segodnya.ua/news/14248304.html>
6. Там же.
7. Західна Україна під більшовиками. IX.1939 – VI.1941. Збірник / За ред. М. Рудницької. Нью-Йорк: НТШ в Америці, 1958. С. 2.
8. 1941 год: Страна в огне: В 2 кн. Кн.1. Очерки. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 547.
9. Прокоп М. Україна і Українська політика Москви. Ч.1. Мюнхен: Вид-во «Сучасна Україна», 1956. С. 100.
10. Західна Україна під більшовиками. IX.1939 – VI.1941. Збірник / За ред. М. Рудницької. Нью-Йорк: НТШ в Америці, 1958. С. 17.
11. Там же. С. 18, 19.
12. Там же. С. 28.
13. Дашко Г. Історія одного села: село Станків. Львів, 2005. С. 124.
14. Західна Україна під більшовиками. IX.1939 – VI.1941. Збірник / За ред. М. Рудницької. Нью-Йорк: НТШ в Америці, 1958. С. 30.
15. Пігідо-Правобережний Ф. «Велика вітчизняна війна» [Спогади та роздуми очевидця]. К.: Смолоскип, 2002. С. 17.
16. Західна Україна під більшовиками. IX.1939 – VI.1941. Збірник / За ред. М. Рудницької. Нью-Йорк: НТШ в Америці, 1958. С. 30.
17. Там же. С.31.
18. Аджубей А. Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989. С. 48.
19. Західна Україна під більшовиками. IX.1939 – VI.1941. Збірник / За ред. М. Рудницької. Нью-Йорк: НТШ в Америці, 1958. С. 74.

20. Там же. С. 75, 76, 20.
21. Там. С. 74.
22. Там же. С.19-20.
23. Там же. С. 77.
24. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 99.
25. Західна Україна під більшовиками. IX. 1939 – VI. 1941. Збірник / За ред. М. Рудницької. Нью-Йорк: НТШ в Америці, 1958. С. 19.
26. Там же. С. 78.
27. 1941 год: Страна в огне: В 2 кн. Кн.1. Очерки. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 547-548.
28. Документи і матеріали // Сергійчук В. Правда про «Золотий вересень» 1939-го. К.: Укр. Вид-во «Спілка», 1999. С. 114-115.
29. Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20-50-ті роки ХХ ст. К.: Наукова думка, 1994. С. 189.
30. Західна Україна під більшовиками. IX.1939 – VI.1941. Збірник / За ред. М. Рудницької. Нью-Йорк: НТШ в Америці, 1958. С. 161.
31. Из дневниковых записей Петра Панча. 1939 г., г. Львов // Культурне життя в Україні. Західні землі. Документи і матеріали. Т. 1. 1939–1953. К.: Наукова думка, 1995. С. 78.
32. Довженко О. Україна в огні: щоденник, кіноповість, оповідання. К.: Радянський письменник, 1990. С. 270.
33. Західна Україна під більшовиками. IX.1939 – VI.1941. Збірник / За ред. М. Рудницької. Нью-Йорк: НТШ в Америці, 1958. С.24.
34. Там же. С. 78.
35. Там же. С. 79.
36. Кульчицкий С. Находилась ли Украина под советской оккупацией? // День. 2007. 27 июня.
37. Рубина Д. Синдром Петрушки. М.: ЭКСМО, 2010 // <http://lib.rus.ec/b/238328/read>.

«Alien Liberators» and «Friendly Occupiers»: How West Ukrainian Population Perceived «Soviets» in 1939–1941

Irina N. Gridina

Donetsk National University, Ukraine
24 Universitetskaya Str., build. 2, Donetsk 83001
Dr. (History), Professor

Abstract. The article studies the perception of Soviet citizens by West Ukrainian population during the events of 1939–1941, which formed specific stereotypes, still in force and having impact on humanitarian relations between Ukraine and Russia.

Keywords: Ukraine, Russia, West Ukraine, incorporation of West Ukraine, perception, stereotypes.

UDC 94(477.8):3 41.223.1«19 39/1941»
